

В итоге, основываясь на современных гуманистических и культурально ориентированных ценностных оснований, в «Концепции» осуществляется попытка создать целостный континуум отечественной истории сначала в рамках общеобразовательного дискурса, а далее распространить этот опыт на все пространство социальной памяти.

Библиографические ссылки

1. Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории [Электронный ресурс] // URL: http://www.iriran.ru/sites/default/files/Koncept_2013_10_30.pdf
2. Малинов А.В., Прохоренко А.В. Философия истории в России. СПб.: Европейский Дом, 2010. С. 9.

«Ельцин Центр» в Екатеринбурге: проблема коммеморативных практик в современной России

*Скиперских А.В., д-р полит. наук, профессор
НИУ «Высшая школа экономики»
(г. Москва)*

Аннотация. В данной статье речь идёт о том, какие трудности на своём пути встречает политика памяти в современной России. Отсутствие консенсуса в обществе по поводу значимых исторических событий является большой проблемой, негативно сказывающейся на попытках формирования национальной идентичности. Это признаёт и сама власть, в данный момент времени неготовая сформулировать более или менее логичный и убедительный нарратив. В полной мере это подтверждается на примере «Ельцин Центра» в Екатеринбурге. Неоднозначное отношение к периоду правления Б. Ельцина, тем не менее, не останавливает российскую власть, осуществляющую практики политической легитимации, используя символическое наследие 1990-х гг.

Ключевые слова: власть, Ельцин, Ельцин Центр, Екатеринбург, коммеморация, легитимация, политика памяти.

Abstract. In this article author talks about the difficulties on the way meets the politics of memory in contemporary Russia. The lack of consensus in society about the important historical events is a big problem, a negative impact on attempts to form a national identity. It recognizes and power itself, is not ready to formulate a more or less logical and compelling narrative at this point in time.

This is fully confirmed by the example of "Yeltsin Center" in Ekaterinburg. Ambiguous attitude to the reign of Boris Yeltsin, however, does not stop the Russian government, is carrying out the practice of political legitimation, using the symbolic legacy of the 1990s.

Keywords: power, Yeltsin, Yeltsin Center, Ekaterinburg, commemoration, legitimation, the politics of memory.

Политический процесс нельзя представить без постоянных апелляций политических акторов к прошлому. Внимательное отношение к прошлому - и героическому, и трагическому - важная часть политической культуры. Безусловно, культурный капитал прошлого эксплуатируется властью в интересах собственной политической легитимации. Отсюда, кажется вполне объяснимой неустанная забота власти о прошлом, её постоянное инвестирование в её сохранение.

25 ноября 2015 года в российском политическом дискурсе состоялось важное событие. В Екатеринбурге был открыт «Ельцин Центр». Вообще, необходимо понимать, что любой объект, открываемый властью в торжественной обстановке, изначально способствует политической легитимации самой власти. Важность уси-

лий власти в дискурсе строительства подобных объектов значительно усиливается с помощью информационных эффектов, что можно видеть и на представленном нами примере.

«Возводя памятники, государство запечатлевает свои представления о самом себе в том виде, как они складывались на протяжении истории, и так конструирует собственное величие», - считает А. Эткинд [11, с. 225].

Значимость открытия «Ельцин Центра» подчёркивалась номенклатурой приглашённых и большим количеством представителей СМИ. На открытии присутствовали В. Путин и Д. Медведев. Президент России на открытии отметил, что данный центр есть отражение «целой эпохи в истории нашей страны - эпохи радикальных перемен, крайне важных, сложных и, конечно, противоречивых» [9].

Для нас было интересно выяснить, насколько открытие «Ельцин Центра» может быть проявлением реального внимания российского правящего класса к фигуре Б. Ельцина и его политическому наследию. Нужно понимать, что тот же В. Путин является преемником Б. Ельцина. Сам факт присутствия лидера государства на церемонии открытия говорит о многом. С другой стороны, отмечается популярность и разоблачающих трендов, связанных с фигурой Б. Ельцина. Негативные коннотации могут быть также выгодны российскому правящему классу, потому как «смутный» ельцинский период в политической истории России принято противопоставлять путинскому «вставанию с колен». Есть ощущение, что российская власть пока ещё не определилась с генеральной линией по поводу отношения к ельцинскому периоду, и балансирует между невозможностью генетического разрыва с ним и осуждающим дистанцированием. Каких смыслов больше в «Ельцин Центре», и каким образом его задумка и экспозиция заставляют работать память индивида? Мы попытаемся найти ответ на этот вопрос.

На наш взгляд, зрителю как бы предлагают самостоятельно разобраться в перипетиях конца 1980-х - начале 1990-х гг. Субъект попадает в пространство меморации и буквально сразу же атакуется объектами материальной культуры, которые выстроены в определённой логике. Этого достаточно, чтобы активизировалась память о прошлом.

По мнению А. Ассман, «лишь то, что выставлено в музеях, воплощено в памятниках и попало в школьные учебники, обретает шанс на передачу следующим поколениям. Коллективная память позволяет членам сообщества, преодолевая пространственные и временные дистанции, сохранять ценностные ориентиры и системы координат» [1, с. 16].

М. Хальвбакс, выделяя внутреннюю (личную) и внешнюю (социальную) память, отмечал, что обе формы памяти нуждаются друг в друге. В частности, «индивидуальная память может опереться на память коллективную, чтобы подтвердить или уточнить то или иное воспоминание или даже чтобы восполнить кое-какие пробелы, вновь погрузиться в нее, на короткое время слиться с ней. И, тем не менее, она идет по собственному пути, и весь этот внешний вклад постепенно усваивается и встраивается в нее» [10, с. 8].

При этом, если внутренняя память определённым образом принадлежит индивиду, то коллективная память находится в дискурсе власти и может непосредственно управляться властью. Но, сам факт того, что индивид сопоставляет свой опыт с коллективным опытом, его представления о прошлом, так или иначе, могут

регулироваться и корректироваться властью. В принципе, данный механизм можно назвать вполне эффективным, если бы не существующие расхождения между практиками власти в России, производимым параллельно. Расхождения в понимании прошлого очень существенны. Что-то подобное происходит и на примере «Ельцин-Центра».

На наш взгляд, «Ельцин Центр» представляет собой яркую метафору, фиксирующую половинчатое отношение российской власти к советскому прошлому.

Неоднозначное отношение к политическому наследию Б. Ельцина, концентрированному в «Ельцин Центре», легко подтверждается, глядя на различные оценки и комментарии данного музея. На первый взгляд, кажется, что сама концепция центра призвана сформировать положительные (или, как минимум, нейтральные, взвешенные) эмоции у аудитории. Работа с памятью о первых годах демократизации в России призвана, как минимум, не отвратить аудиторию от чересчур однобокого её восприятия.

При этом понятно, что политические акторы, присутствующие в официальном пространстве власти, не могут комментировать сколько-нибудь критически. Они связываются правилами дискурса власти.

Здесь, очень важной выглядит оценка самого В. Путина, во многом задающего вектор для понимания и интерпретации этого проекта. В концепции «Ельцин Центра» склонен видеть «честный рассказ о том, как строилась современная Россия, какие задачи она решала» [7].

Губернатор Свердловской области Е. Куйвашев в эфире «Областного телевидения» признавался, что «создание центра - это, конечно, дань уважения Борису Николаевичу Ельцину, дань уважения президентскому институту, и дань уважения власти...<...>... Это наш бренд, это наша гордость, и это наше преимущество» [5, с. 8].

При оценивании периода правления Б. Ельцина, некоторые политики прибегают к достаточно компромиссным фигурам речи. В частности, бывший мэр Екатеринбурга А. Чернецкий заметил, что «кто-то оценивает эти годы положительно, кто-то отрицательно, но факт в том, что мы живём в другом государстве и это произошло при прямом участии Бориса Николаевича» [2, с. 6]. Таким образом, «Ельцин Центр» как бы становится неким местом, где фиксируется политическая память современной России.

Вместе с тем, существуют и прямо противоположные оценки. Правда, они не связываются с официальным дискурсом власти. Критический взгляд на «Ельцин Центр» становится прерогативой достаточно фрагментированного патриотического спектра современной России. Объекты критики, здесь, личность самого Б. Ельцина, отношение к советскому прошлому, интерпретация истории России в концепции мемориального центра, а также экономический контекст «Ельцин Центра», поражающего своим величием. При этом значительно отличаются версии по поводу реальной стоимости проекта. Так, официально говорится, что на строительство «Ельцин Центра» «из бюджета было выделено 4,98 млрд. руб., включая приобретение здания» [9]. В других же источниках цифры могут существенно отличаться. В частности, называется сумма в 7 млрд. рублей [7].

Периодически отличается своей критикой «Ельцин Центра» Н. Михалков, признававшийся в странной интерпретации истории России. Так, совсем недавно,

Н. Михалков высказался о необходимости создания альтернативы «Ельцин Центру», предлагая свои услуги в концептуализации данного проекта. Нужно отметить, что задумки у Н. Михалкова уже существуют и связываются с образовательным центром «Цитадель», к которому может быть привязан горнолыжный курорт. Режиссёр откровенно признаётся в том, что это будет противовес «Ельцин-центру в Екатеринбурге, где происходит разрушение самосознания молодых ребят и детей» [6].

В фокусе критики держат «Ельцин Центр» представители и лидеры парламентских партий, пытающихся представить признать «иностранным агентом» сам проект и стоящие за ним структуры. Особенно усердствуют в этом ЛДПР и КПРФ, критика которых не может не восприниматься иначе, как в контексте парламентской кампании 2016 года. В целом, критика производится из самых разных источников и по различным поводам, что неизбежно конструирует вокруг центра репутацию оппозиционного пространства. В информационном дискурсе Екатеринбурга уже существует восприятие «Ельцин Центра» как некоей территории свободомыслия, а сам «Ельцин Центр» «стал «фишкой», состоявшейся достопримечательностью Екатеринбурга, местом своего рода паломничества тех, кто не готов принять многие современные идеологемы» [3].

Противоречивость современной российской политики в контексте её отношения к прошлому, кажется, в полной мере воспроизводится в экспозиции. На наш взгляд, очевиден антитоталитарный посыл «Ельцин Центра». Недвусмысленное, критическое отношение к фигуре Сталина, экспонаты, посвящённые диссидентскому движению, пишущая машинка «Эрика», которая, исходя из текста А. Галича «берёт четыре копии», цитаты А. Ахматовой - всё это и многое другое воспроизводят атмосферу нетерпимости к любым попыткам тотализации политического дискурса. Демократические выпуски «Огонька» также напоминают о том, что интеллектуалы могли находиться не только на стороне власти, пользуясь её преференциями. Развитие новой российской государственности нельзя не рассматривать вне усилий интеллектуалов, сопротивлявшихся системе.

С другой стороны, мы видим, что за пределами меметической зоны «Ельцин Центра», при молчаливом согласии власти (или, как минимум, отсутствии какой-либо реакции с её стороны) происходит реабилитация личности И. Сталина. Сталин становится предметом многочисленных дискуссий и воплощений в памятниках и партийных символах. И если в официальном политическом дискурсе присутствуют установки о невозможности отказа от советского прошлого

На наш взгляд, основная мысль экспозиции «Ельцин Центра» заключается в некоем сообщении поколению 1970-х и 1980-х объективной ценности раннего периода строительства новой российской государственности. При этом показывается, что начало 1990-х гг. было временем голодным, но и романтическим одновременно. Неслучайно, последний зал в экспозиции «Ельцин Центра» является, наверное, самым концептуальным. Он посвящён свободе. Здесь, достаточно показательным может выглядеть комментарий Г. Сатарова глоток воздуха того времени: тяжелого, но романтического. Тогда было удивительное ощущение свободы, ожиданий! Посмотрел сейчас фотографии тех лет и вижу: на всех лицах искренние выражения. Сейчас больше пассивности и конформизма» [7].

Таким образом, на примере «Ельцин Центра», который с момента открытия посетило уже больше 100 тыс. человек [8, с. 6], можно рассмотреть, как в современной России осуществляются практики работы с политической памятью. Политическая коммеморация в данном случае связывается с объективными проблемами, в основе которых выступает двойственная позиция российской власти. С одной стороны, многочисленные представители современного правящего класса являются выходцами из 1990-х гг., и оказываются многим обязанными периоду демократизации, позитивно сказавшемуся на их карьерном продвижении и инкорпорации в политическую элиту. С другой стороны, легитимация политической власти в России осуществляется с помощью использования мифа о 1990-х гг. Сопоставляя политические практики того периода времени и современную политическую стилистику, российской власти, удаётся убеждать аудиторию в несомненных преимуществах путинской России. Показательно, что данная двойственность является достаточно симптоматичным политическим стилем современного правящего класса. Новые российские президенты, кажется, не собираются производить переоценку периода правления Б. Ельцина. Попытка политической ревизии в угоду сиюминутной политической конъюнктуры могла бы существенно поколебать существующие траектории развития современной России [4, с. 51-53].

На наш взгляд, проблема столкновения индивидуальной и коллективной памяти о прошлом, а именно о времени демократических перемен в России, в настоящий момент вряд ли может иметь перспективы разрешения. Индивидуальная память будет продолжать тактически сосуществовать с коллективной памятью, производимой политической властью.

Данный диалог обещает быть трудным.

Библиографические ссылки

1. Ассман А. Новое недовольство материальной культурой / Алейда Ассман; пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 232 с.
2. Вы каким Бориса Ельцина помните? // Деловой квартал. 2015. № 13 (967).
3. «Герейханова А. Екатеринбургский Ельцин Центр под ударом [Электронный ресурс] // URL : <http://ura.ru/articles/1036267784>.
4. Гришаева О.Н. Сценарии развития института президентства // Исторические, философские, политические, юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 2-1. 2014. С. 51-53.
5. Если бы не было санкций, их нужно было бы придумать. Свердловский губернатор выступил в программе «Четверо против одного» // Коммерсантъ-Урал. Четверг. 17 декабря 2015. № 233.
6. Михалков решил создать горонолыжный курорт в противовес «Ельцин-центру» [Электронный ресурс] // URL : http://www.e1.ru/news/spool/news_id-445891.html.
7. На открытии Ельцин Центра Путин произнёс драматическую речь [Электронный ресурс] // URL : <http://www.mk.ru/politics/2015/11/25/na-otkrytii-centra-elcina-putin-proiznes-dramaticheskuyu-rech.html>.
8. Первый среди первых // Фреетайм. Апрель. № 4 (61). 2016.
9. Путин открыл Ельцин Центр [Электронный ресурс] // URL : http://www.gazeta.ru/politics/2015/11/25_a_7915355.shtml.
10. Хальвбакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. № 2-3 (40-41). 2005. С. 8-27.
11. Эткинд А. Кривое горе. Память о непогребенных. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 328 с.